

Казачи под Петроградом. Октябрь 1917 г.

Октябрьская революция явилась для России закономерным и ожидаемым событием. Непопулярное Временное правительство во главе с А. Ф. Керенским не имело поддержки в народных массах и с каждым днём все больше теряло рычаги управления страной. Деморализованная армия уже не являлась надёжным оплотом для правительства, более того, многие запасные пехотные части и матросы представляли прямую угрозу для него. Фронт трещал по швам, толпы вооружённых дезертиров наводнили деревни, а митинги и забастовки рабочих стали привычной и неотъемлемой частью повседневной жизни городов. В сложившейся ситуации требовались жёсткие и решительные меры по наведению порядка в стране и реализация реальной программы демократических преобразований. Ни того, ни другого Временное правительство сделать не смогло. Можно с полной уверенностью сказать, что власть в стране могла достаться любой организованной и решительной силе, в результате чего 25 октября 1917 г. в Петрограде начался вооружённое восстание, в ходе которого был осаждён, а затем и взят Зимний дворец. Большинство воинских команд, находящихся в это время в столице, заявили о нейтралитете и стремились дистанцироваться от внутреннего конфликта. Единственной вооружённой силой, на которую могли положиться члены Временного правительства, были казаки 3-го кавалерийского корпуса, боеспособность которых, да и морально-политическое состояние продолжало оставаться на должном уровне. Корпус, состоявший из 50 эскадронов и имевший 23 орудия, представлял значительную силу и мог переломить ситуацию. Но после неудачного военного похода генерала Л. Г. Корнилова на Петроград в августе 1917 г.¹ казаки корпуса были распылены по городам и весям и оказались на расстоянии более 450 км друг от друга². В относительной близости к Петрограду находилась 1-я

Донская казачья дивизия (9-й, 10-й, 13-й и 15-й Донские полки), Уссурийская конная дивизия (Уссурийский, 1-й Нерчинский и 1-й Амурский казачьи полки и неказачий приморский драгунский полк), шесть казачьих батарей (пять донских и одна Амурская), двухсотенный уссурийский казачий дивизион. Вся эта сила располагалась в различных местах. Так, 13-й и 15-й Донские полки были в Ревеле, Уссурийский дивизион и четыре сотни казаков 10-го Донского полка — в Новгороде, сотни Уссурийского и 1-го Нерчинского полков в Старой Руссе, Витебске, Осташкове и Торопце. В Острове, где располагался штаб корпуса, было всего 18 сотен казаков Донского, Амурского и Нерчинского полков и 16 орудий³. В самом Петрограде были расположены три Донских казачьих полка (1-й, 4-й и 14-й), общая численность которых составляла 2,5 тыс. чел., а также казачьи сотни Николаевского кавалерийского училища (120 чел.) и аппарат Совета Союза казачьих войск (50 чел.). В Павловске находилась 6-я гвардейская Донская батарея, в Гатчине, Петергофе, Красном селе, Ораниенбауме располагались незначительные казачьи подразделения, общая численность которых составляла 820 человек⁴. К концу октября 1917 г. ряд этих частей, в первую очередь находящихся в Петрограде и его округе, были распропагандированы и подвержены социалистической агитации, в связи с чем ещё накануне октябрьского восстания атаман Войска Донского А. М. Каледин предлагал командующему Петроградским военным округом, полковнику Г. П. Полковникову вывести донские полки из столицы. А 20 октября военный министр А. И. Верховский отдал распоряжение начальнику штаба Северного фронта генералу С. Г. Лукомскому о смене казачьих полков в Петрограде по причине их большевизации⁵. Но это распоряжение так и не было выполнено, донские казаки трёх полков продолжали оставаться в Петрограде.

С началом вооружённого выступления в Петрограде в ночь с 24 на 25 октября А. Ф. Керенский отдал приказ о направлении

Васильев Максим Викторович — ассистент кафедры связей с общественностью ПсковГУ.

на подавление беспорядков находившихся в столице донских полков. В эти полки была передана телефонограмма № 65457 с приказом «...не теряя ни минуты, выступить на помощь Центральному Комитету Советов, революционной демократии, Временному правительству...». Но казаки остались в своих казармах, проигнорировав данный приказ. Той же ночью (с 24 на 25 октября) полковник Г. П. Полковников разослал телеграммы на имя Керенского и командующего Северным фронтом генерала В. А. Черемисова, в которых сообщал, что «...состояние в Петрограде угрожающее. Уличных выступлений и беспорядков нет, но идёт планомерный захват учреждений, вокзалов, аресты. Никакие приказы не выполняются. Юнкера сдают караулы без сопротивления, казаки, несмотря на ряд приказаний, до сих пор из своих казарм не выступали»⁶. В седьмом часу утра А. Ф. Керенским была передана ещё одна телеграмма командующему 3-м кавалерийским корпусом генералу П. Н. Краснову и командующему Северным фронтом В. А. Черемисову о немедленной отправке в Петроград всех полков 1-й Донской казачьей дивизии со своей артиллерией по железной дороге, а в случае невозможности сделать это — походным маршем. П. Н. Краснов тотчас отдал распоряжение о дислокации частей в район Луги, откуда предполагалось идти на столицу в походном порядке. Но генерал В. А. Черемисов поспешил отменить распоряжение П. Н. Краснова, и тем сделал немедленное движение на Петроград невозможным. Уже погружённые к 8 часам вечера сотни были по приказу Главкосева вновь выгружены. На станции был получен приказ Черемисова отправить находившиеся в Острове эшелоны вместо севера на юг, т. е. вместо Петрограда к станции Марцен. Краснов в последующем писал: «Глухая осенняя ночь. Пути Островской станции заставлены красными вагонами. В них лошади и казаки, казаки и лошади. Кто сидит уже второй день, кто только что погрузился. На станции санитары, врачи и две сестры Проскуровского отряда. Просят, чтобы им разрешено было отправиться с первыми эшелонами, чтобы быть при первом деле. Казаки кто спит в вагонах, кто стоит у открытых ворот вагона и поёт вполголоса

свои песни... Вдоль пути шмыгают тёмные личности, но их мало слушают. Большевики не в фаворе у казаков, и агитаторы это чувствуют»⁷. Эшелоны с казаками продолжали стоять без движения. Для прояснения ситуации генерал Краснов направился в Псков в штаб Северного фронта, где в четвёртом часу ночи был принят В. А. Черемисовым. Во время аудиенции Главкосев повторил Краснову свое распоряжение — отправить Уссурийскую дивизию в Марцен, а Донскую выгрузить и сосредоточить на старых квартирах под Островом. На недоуменный вопрос Краснова, как соотносится это с приказанием Верховного главнокомандующего — идти на Петроград, Черемисов ответил: «Верховного правительства нет, оно разогнано в Петрограде большевиками, Верховный главнокомандующий скрылся неизвестно куда, и вам надлежит исполнять только мои приказания, как главнокомандующего». На просьбу Краснова отдать это распоряжение письменно Черемисов ответил пожатием плеч и с видом сожаления простился, дав на прощание уже не приказание, а добрый совет: «Оставаться в Острове и ничего не делать»⁸.

Не приняв совета командующего Северным фронтом, П. Н. Краснов встретился с комиссаром В. С. Войтинским, от которого узнал, что в Псков прибыл А. Ф. Керенский. В своих мемуарах генерал оставил следующие строки о ночных событиях в Пскове: «Месяц лукавым таинственным светом заливал улицы старого Пскова. Романическим средневековым веяло от крутых стен и узких проулков. Мы шли... пешком, чтобы не привлекать внимания автомобилем. Шли как заговорщики... Да по существу, мы были заговорщиками... Ночь была в той части, когда, утомлённая, она готова уже уступить утру и когда сон обывателя становится особенно крепким, а грезы фантастическими. И временами, когда я глядел на закрытые ставни, на плотно опущенные занавески, на окна, подёрнутые капельками росы и сверкающие отражениями высокой луны, мне казалось, что и я сплю, и этот город, и то, что было, и то, что есть, не более как кошмарный сон. Я шёл к Керенскому»⁹. При личной беседе А. Ф. Керенскому удалось уговорить П. Н. Краснова выступить с казаками на Петроград, ко-

мандующему 3-м корпусом были обещаны не только Донская, но и Уссурийская, 37-я пехотная и 1-я кавалерийская дивизии, а также 17-й артиллерийский корпус. Утром 26 октября Керенский и Краснов были уже в Острове и приступили к повторной погрузке и отправке эшелонов в направлении Луги. «Почётный караул сделал своё дело. Он был великолепен, — вспоминал Краснов. — Временно командующий полком войсковой старшина Лаврухин (командир полка, полковник Короченцов заболел дипломатическою болезнью) постарался. Громадная сотня была отлично одета. Шинели сверкали Георгиевскими крестами и медалями. На приветствие Керенского она дружно гаркнула: «Здравия желаем, господин Верховный Главнокомандующий», а потом прошла церемониальным маршем, тщательно отбивая шаг. Толпа, стоявшая у вокзала, притихла. Вагон явился как из-под земли, и комендант станции объяснял свою медлительность тем, что он хотел подать «для господина Верховного Главнокомандующего салон-вагон» и стеснялся дать этот потрёпанный микст. Мы сели в вагон, я отдал приказание двигать эшелоны. Паровозы свистят, маневрируют. По путям ходят солдаты Островского гарнизона, число их увеличивается, а мы все стоим, нас куда-то прицепляют и куда-то двигают. Я вышел и пригрозил расправой. Полная угодливость в словах, и никакого исполнения. Командир Енисейской сотни, есаул Коршунов, начальник моего конвоя, служил когда-то помощником машиниста. Он взялся провезти нас, стал на паровоз с двумя казаками, и дело пошло. Все было ясно. Добровольно никто не хотел исполнять приказания Керенского, так как неизвестно чья возьмёт; «примените силу, и у нас явится оправдание, что мы действовали не по своей воле». Зная настроение Псковского гарнизона и то, что, конечно, из Острова уже дали знать в Псков, что с казаками едет Керенский, я приказал Коршунову вести поезд нигде не останавливаясь, набрать воды перед Псковом, и Псков пассажирский, и Псков товарный проскочить полным ходом — и не напрасно»¹⁰. Опасения генерала были действительно не напрасными. 26 октября в Пскове прошли выборы в Совет, где большинство мест заняли большевики, соз-

давался ВРК и была вынесена резолюция, в которой говорилось: «Псковский Совет рабочих и солдатских депутатов на совместном заседании с заводскими, ротными и полковыми комитетами, рассмотрев вопрос о посылке казачьих эшелонов на Петроград..., считает эти попытки явно контрреволюционными, постановляет немедленно принять меры к остановке эшелонов, двинутых к Петрограду»¹¹. Вставшие на сторону большевиков солдаты намеревались задержать эшелоны с казачьими полками Краснова. Как вспоминает В. С. Войтинский: «На псковском вокзале собралась многотысячная толпа солдат. Раздавались приказы силой остановить эшелон»¹². Но Краснову с тремя эшелонами казаков удалось проскочить Псков до того, как на станцию подошла специальная заградительная команда. «На станции Псков громадная, в несколько тысяч, толпа солдат. Наполовину вооружённая. При приближении поезда она волнуется, подвигается ближе, — писал впоследствии Краснов. — Я стою на площадке; у паровоза Коршунов и его лихие енисейцы; поезд ускоряет ход, и станция, забитая серыми шинелями, уплывает за нами. В вагонах на редких остановках слышны песни. Раздают запоздалый ужин. Пахнет казачьими щами. Слышна предобеденная молитва: «Очи всех на Тя, Господи, уповают». Никаких агитаторов. Все идёт хорошо»¹³.

Как абсолютно гражданский человек, почти не знакомый с военным делом, А. Ф. Керенский смотрел на начатый им военный поход крайне непринуждённо, без учёта реальной обстановки, и был уверен, что войска смогут высадиться прямо на Николаевском вокзале раньше, чем будет взят Зимний дворец. Краснову пришлось переубедить Главнокомандующего и настоять на необходимости сосредоточения воинских частей в Гатчине и только затем наступать на Петроград. Казаки, идущие с Красновым, рассчитывали, что вместе с ними идёт «сильный корпус, почти армия». Кроме частей 3-го корпуса намечено было отправление бригады 44-й стрелковой дивизии, частей 17-го армейского корпуса с артиллерией и какой-то кавалерией, якобы идущей из Москвы и дошедшей до ст. Дно. В действительности, не только эти части не дошли, но и от сотен Донского

корпуса, находившихся под руками, В. А. Черемисову удалось в последнюю минуту задержать три сотни казаков под предлогом защиты Пскова от большевиков. Керенский же продолжал отправлять телеграммы в разные города с требованием отправки войск, но они за редким исключением оставались на своих местах. Никто не желал проливать кровь за столь непопулярного председателя Временного правительства. В своих мемуарах П. Н. Краснов указывал, что в районе Луги он стал свидетелем того, как поручик Карташёв отказался пожать протянутую ему руку Керенского, ответив следующее: «Виноват, господин Верховный главнокомандующий, я не могу подать Вам руки. Я корниловец». Можно ли было рассчитывать на успех военной операции, когда на Петроград шли в основном офицеры-корниловцы, ненавидевшие Керенского, но выполнявшие его приказы? Коллизия судьбы поставила Керенского во главе войска, которое сам же Александр Федорович несколько месяцев назад объявил мятежным и распылил по различным городам. Но всё же это не мешало ему верить в победу и даже назначить Краснова командующим армией. «Командующий армией, идущей на Петроград, — писал Краснов. — Идёт пока, считая синицу в руках, — шесть сотен 9-го полка и четыре сотни 10-го полка. Слабого состава сотни, по 70 человек. Всего 700 всадников — меньше полка нормального штата. А если нам придётся спешиться, откинуть одну треть на коноводов — останется боевой силы всего 466 человек — две роты военного времени! Командующий армией и две роты! Мне смешно... Игра в солдатики! Как она соблазнительна, с её пышными титулами и фразами»¹⁴.

Ранним утром 27 октября эшелоны казаков прибыли в Гатчину, где соединились с двумя сотнями 10-го Донского полка, прибывшего из Новгорода. В Гатчине в это время уже находились только что прибывшие из Петрограда, Красного Села и Кронштадта большевистские части, но о силах Краснова ходили преувеличенные слухи: в Петрограде их исчисляли в 10000 человек. Пришедшие части, не зная положения, одна за другой сдали казакам винтовки и пулеметы. Всего же к вечеру было обезоружено 1500 чел. Такого

количества пленных несколько сотен казаков охранять не могли, и Краснов принял решение распустить их по домам. «Обезоруживши их, я отпускаю их на все четыре стороны. Мне их некуда девать и некем охранять. Когда ещё придет 37-я пехотная и 1-я кавалерийская дивизии, когда ещё подойдет 17-й армейский корпус. Да и придут ли? Какая опасность от этих людей?

— Мы можем ехать обратно? — спрашивают солдаты.

— Поезжайте и скажите вашим товарищам, чтобы они не глупили, — говорю я им.

— Да мы что! Мы ничего! — добродушно заявляют солдаты. — Нам что приказуют, мы то и делаем.

Ко мне подъезжает казак. Варшавская станция занята казаками. Взята в плен рота и 14 пулеметов.

— Что прикажете делать с пленными?..

— Обезоружить и отпустить!

Их некуда было девать и прятать, их нечем было кормить, потому что базы и тыла у нас не было. Отправлять в Лугу? Но отношение Луги к нам неизвестно. Посылать в Псков? Но Псков явно враждебен к нам. Оставалось распускать их, надеясь, что они расплытятся, разойдутся по своим деревням, на несколько дней станут безопасны. А там подойдет 17-й корпус, и можно будет их или снова мобилизовать, или, если будет надо, посадить за проволоку»¹⁵.

С первых же шагов, ещё в Гатчине, настроения казаков в своей массе были не воинственными. Приказ о движении на Петроград они выполняли с большой неохотой, к тому же казаков смущало отсутствие поддержки со стороны пехотных частей. По свидетельству Н. И. Подвойского, «...уже после первой перестрелки казаков с красногвардейцами и войсками началось братание»¹⁶. В офицерской среде также царил апатия и нежелание идти в бой за Керенского. По данным П. Н. Милюкова, офицеры Петрограда не намерены были поддерживать Временное правительство, т. к. не доверяли Керенскому. Один из офицеров, служивший в штабе Петроградского военного округа, доносил, что «среди офицеров, находящихся в Петрограде, возбуждение против А. Ф. Керенского настолько велико, что многие из них полагали необходимым

немедленно арестовать его¹⁷. Не поддержали Краснова и части, находящиеся близ Петрограда. «Говорили, что Петроградский гарнизон ничто — с ним и сами большевики не считаются. Он не выступит ни на чьей стороне и ничего делать не будет., всё военное начальство находится в состоянии растерянности и лавирует так, чтобы сохранить своё положение при всяком праве, — вспоминал Краснов. — В Гатчине находилась школа прапорщиков. Почти батальон молодых людей отнюдь не большевистского настроения. Но начальство её выступить с нами отказалось. Самое большее, что они могли взять на себя, — это поставить заставы на дорогах и наблюдать за внутренним порядком в городе»¹⁸. На сторону Краснова перешли только офицеры авиационной школы с двумя аэропланами. Основные же силы так и не подходили к Петрограду. Одни части заявили о «нейтралитете», уклонившись от выполнения приказов, другие были остановлены на перегонных путях железной дороги и распространены социалистическими агитаторами. Так, начальник гарнизона Ревеля информировал о том, что погрузка 13-го и 15-го Донских полков остановлена «до выяснения обстановки». Отказался исполнять приказ и приморский полк, стоявший в Витебске. Остальные воинские соединения телеграфировали, что они «готовятся к погрузке», в реальности же не предпринимая никаких действий. Офицер Гатчинской авиационной школы, капитан П. Нестеренко отмечал, что, «из Пскова непрерывно эшелон за эшелон приходили к Луге ударные батальоны, но дремавший Лужский совдеп делал своё дело, и для агитаторов не требовалось особых усилий, чтобы убедить колеблющихся ударников не участвовать в братоубийственной войне и не защищать Керенского. Ударники, заняв выжидательное положение, так дальше Луги и не двинулись»¹⁹.

В результате генерал П. Н. Краснов оказался с горсткой казаков против революционного Петрограда. Всего к вечеру 27 октября в его распоряжении было три сотни 9-го Донского полка, две сотни 10-го Донского полка, сотня 13-го Донского полка, 8 пулемётов и 16 конных орудий (всего 480 чел.). Таким образом, людей едва хватало на прикрытие ар-

тиллерии. Несмотря на столь малочисленные силы, Краснов всё же принял решение занять Царское Село и двигаться дальше на Петроград. По всей видимости, казачий генерал всё ещё надеялся на подход подкреплений и перелом сложившейся ситуации. «Идти с этими силами на Царское Село, где гарнизон насчитывал 16 000, и далее на Петроград, где было около 200 000, — никакая тактика не позволяла; это было бы не безумство храбрых, а просто глупость. Но гражданская война — не война. Её правила иные, в ней решительность и натиск — всё; взял же Коршунов с 8 енисейцами в плен полторы роты с пулемётами. Обычай и настроение Петроградского гарнизона мне были хорошо известны. Ложатся поздно, долго гуляют по трактирам и кинематографам, зато и утром их не поднимешь — захват Царского на рассвете, когда силы не видны, казался возможным; занятие Царского и наше приближение к Петрограду должно было повлиять морально на гарнизон, укрепить положение борющихся против большевиков и заставить перейти на нашу сторону гарнизон», — писал командующий корпусом²⁰. К вечеру 28 октября Царское Село было занято казаками, превосходящие в несколько раз силы большевиков либо отступили, либо были разоружены. Но охрана стратегически важных объектов в Царском Селе окончательно расплыла сотни Краснова. А свежие силы казаков в виде сотни 1-го Амурского казачьего полка из состава Уссурийской конной дивизии, подошедшей в Царское Село, заявили, что «в братоубийственной войне принимать участия не будут, что они держат нейтралитет». Да и сами донские казаки через свои полковые комитеты заявили, что дальше наступать не намерены. В дальнейшем любое продвижение казаков начиналось с переговоров с полковыми комитетами, «Они мне были нужны для того чтобы и то, что у меня было, не развалилось», — писал Краснов. К вечеру 29 октября после очередных переговоров с казаками командующему корпусом удалось уговорить их идти на Петроград в целях произведения разведки боем. Казаки с неохотой поддержали своего командира, хотя разочарование в предпринятом походе становилось все сильнее. «Если пехота не подходит — значит все против пра-

вительства и идут с большевиками. Нам одним всё равно не победить», — вполне справедливо аргументировали казаки.

В то время, как казаки стояли в Царском Селе, в Петрограде началось антибольшевистское выступление юнкеров Николаевского инженерного, Павловского и Михайловского инженерных училищ под общим руководством правозсеровского Комитета спасения Родины и революции. Командующий Петроградским военным округом полковник Г. П. Полковников объявил себя командующим «войсками спасения» и повёл юнкеров на телефонную станцию, которую им удалось захватить. Был занят Михайловский манеж, арестованы отдельные комиссары ВРК и началось разоружение красногвардейцев²¹, но силы юнкеров и их противников были несоизмеримы: 230 юнкеров с офицерами не могли долго противостоять матросам и красногвардейцам, численность которых достигала нескольких десятков тысяч человек. Участь юнкеров была сочтена, многие из них были растерзаны революционной толпой на месте. Начальник школы прапорщиков Северного фронта О. Г. фон Прюссинг, участвовавший в защите Зимнего дворца, в своих мемуарах отмечал: «Прошло с полчаса, пока обе роты (юнкеров — *Авт.*) расположились поперек Дворцового моста, далее от набережной по Александровскому саду, до угла Невского (до Главного штаба), затем под аркою и далее до дворца. Едва была закончена эта расстановка, как со стороны Васильевского острова по Дворцовому мосту показался броневик, а вдоль Адмиралтейской набережной задвигалась солидная толпа матросов и красноармейцев с винтовками. Словно по чьему-то сигналу и броневик, и толпа открыли огонь по юнкерам. Разъяренная толпа на мосту поднимала юнкеров на штыки и бросала в Неву. В другом конце стали собирать юнкеров в группы и куда-то уводить... Гробовое молчание наступило во дворце. Нас всех охватила жуть, и только мало-помалу мы стали приходить в себя... Между тем на улице все успокоилось. Ни броневиков, ни героев-красногвардейцев, зато много шатающихся солдат, грызущих семечки, да... трупы наших убитых юнкеров. Помощь не подходила»²². К началу 30 октября выступление юнкеров в Петрограде было жестоко подавлено.

В других городах тоже с переменным успехом шли бои. Так, в Пскове еще 27 октября четыре сотни казаков и батальон ударников, вызванных комиссаром В. С. Войтинским, взяли под контроль вокзал, артиллерийский склад, телеграф. В течение нескольких дней в городе шли перестрелки между казаками и ударниками с одной стороны и солдатами гарнизона, вставшими на сторону большевиков — с другой. Несколько раз вокзал переходил из рук в руки, и лишь 31 октября солдатам Псковского гарнизона удалось окончательно выбить казаков из здания вокзала и установить контроль над движением эшелонов. В тот же день председатель Псковского ВРК В. Л. Панюшкин сообщал в Петроград: «Всё спокойно, власть в наших руках... сегодня занимаем посты и телеграф... казаки обезврежены...»²³.

Несмотря на колебания казаков и отсутствие подкреплений, П. Н. Краснов всё же предпринял наступление на Петроград. Утром 30 октября под Пулковом казаки были встречены довольно многочисленным сводным отрядом Петроградского ВРК, состоящем из красногвардейцев, матросов и солдат. Завязался упорный, но в основном позиционный бой. Большевистские силы отступать не собирались, тем более, что им стало известно о малочисленности казаков Краснова. К вечеру 30 октября сотни Краснова истратили практически все боеприпасы, замолчали и казачьи батареи. В результате боёв под Пулковом казаки потеряли трёх человек убитыми и 28 ранеными. Потери же частей ВРК по данным командующего большевистскими войсками полковника М. А. Муравьёва составили 400 человек²⁴. В сложившейся ситуации Красновым было принято решение отступать в направлении Царского Села, а затем и Гатчины. Во всех частях казаки митинговали и отказывались разбирать боеприпасы, мотивируя тем, что не желают более стрелять по своим. В сложившихся условиях помышлять о дальнейшей борьбе не имело смысла. Краснов писал: «Офицеры сбились в одну комнату: спали на полу, не раздеваясь, казаки, не расставаясь с ружьями, лежали в коридорах. И уже не верили друг другу. Казаки караулили офицеров, потому что, и не веря им, всё-таки только в них видели своё спасение,

офицеры надеялись на меня и не верили и ненавидели Керенского»²⁵.

1 ноября между казаками и членами ВРК было достигнуто соглашение о прекращении боевых действий, казаки получили право на свободное продвижение домой со своим оружием и снаряжением. В то время большевистское правительство ещё стремилось всячески заигрывать с казаками — последней боеспособной силой, способной оказать реальное сопротивление. Пацифистские настроения казаков и усиленная агитация в их среде сделали своё дело, казачьи части начали эшелонами покидать Петроградскую, Псковскую, Новгородскую и другие губернии и уходили в родные казачьи области. Сам командующий 3-м кавалерийским корпусом генерал П. Н. Краснов был арестован Петроградским ВРК, но через сутки отпущен и 9 ноября прибыл в Великие Луки, где продолжил заниматься отправкой казаков и расформированием корпуса, которое продлилось до начала января 1918 г. «Все неудержимо хлынуло на Дон, — писал Краснов, — но не к Каледину, чтобы сражаться против большевиков, отстаивая свободу Дона, а домой в свои станицы, чтобы ничего не делать и отдыхать, не чувствуя и не понимая страшного позора нации»²⁶.

Заранее обречённый на поражение поход казаков Краснова на Петроград в октя-

бре 1917 г. наглядно показал всей России слабость армии, колоссальный раскол нации и полную деморализацию всех здоровых сил, способных, но не желающих сражаться. Усталость от войны, социалистическая пропаганда, проблемы с железнодорожным транспортом, недоверие, а порой и ненависть к столь непопулярному А. Ф. Керенскому, — это лишь немногие причины поражения антибольшевистского похода на Петроград. Октябрьская революция происходила на фоне массового психологического оцепенения нации, сопряжённого с политическим безразличием народных масс и полной апатией и растерянностью меньшинства. Только такое психологическое состояние может объяснить причины, по которым на защиту Петрограда не выступили ни десятки школ прапорщиков, ни сотни офицеров, находящихся в столице, ни юнкера, за исключением названных училищ. Все те силы, которые были способны дать решительный отпор большевистскому вооружённому перевороту, с первых же дней оказались морально подавлены и деморализованы, и в результате предстали один на один с революционной толпой. Гражданская война ещё только набирала обороты, и необходимо было время для того, чтобы в сознании масс исчезли безразличие, растерянность и иллюзия возможности остаться в стороне от разгорающегося конфликта.

Примечания

- ¹ Васильев М. В. Выступление Л. Г. Корнилова и Псковская губерния. Август 1917 г. // Псков. 2010. № 33. С. 71–77.
- ² Денисов С. В. Белая Россия. СПб., 1991. С. 275.
- ³ Трут В. П. Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций. М., 2007. С. 275.
- ⁴ Ерыкалов Е. Ф. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л., 1966. С. 256.
- ⁵ Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. В 4-х томах. Т. 4. М., 1989. С. 356.
- ⁶ Цитата по: Трут В. П. Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций. С. 277–278.
- ⁷ Краснов П. Н. Бои под Петроградом // Сопротивление большевизму. 1917–1918 гг. М., 2001. С. 120.
- ⁸ Милюков П. Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 361.
- ⁹ Краснов П. Н. Бои под Петроградом // Сопротивление большевизму. 1917–1918 гг. С. 124.
- ¹⁰ Там же. С. 129–130.
- ¹¹ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 454–а. Л. 57; Ленинградские рабочие в борьбе за власть Советов в 1917 г. Л., 1924. С. 147.
- ¹² Войтинский В. С. 1917-й. Год побед и поражений. М., 1999. С. 226.
- ¹³ Краснов П. Н. Бои под Петроградом // Сопротивление большевизму. 1917–1918 гг. С. 130.
- ¹⁴ Там же. С. 131.
- ¹⁵ Там же. С. 132–133.

- ¹⁶ Цитата по: *Трут В. П.* Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций. С. 281.
- ¹⁷ *Милоков П. Н.* История второй русской революции. С. 364.
- ¹⁸ *Краснов П. Н.* Бои под Петроградом // Сопrotивление большевизму. 1917–1918 гг. С. 134.
- ¹⁹ *Нестеренко П.* Гатчина в борьбе с большевиками (октябрь 1917 года) // Сопrotивление большевизму. 1917–1918 гг. С. 169.
- ²⁰ *Краснов П. Н.* Бои под Петроградом // Сопrotивление большевизму. 1917–1918 гг. С. 139.
- ²¹ *Голиков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. Т. 1. М., 1975.
- ²² *О. Г. фон Прюссинг.* Защита Зимнего Дворца // Сопrotивление большевизму. 1917 – 1918 гг. С. 19.
- ²³ *Михайлов А. А.* Красное и белое. История начала Красной армии и Гражданской войны // Псковская губерния. 2009. 18–24 февраля; Красный архив. 1927. № 4. С. 178–179.
- ²⁴ *Трут В. П.* Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций. С. 283.
- ²⁵ *Краснов П. Н.* Бои под Петроградом // Сопrotивление большевизму. 1917–1918 гг. С. 152.
- ²⁶ *Краснов П. Н.* На внутреннем фронте // Архив русской революции. Т. 1. Берлин, 1921. С. 185.